

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ПО ЛИТЕРАТУРЕ

Школьный этап

2012-2013 учебный год

11 класс

1А (max 6)	1Б (max 4)	2 (max 10)	3 (max 20)	4 (max 45)	Итого (max 85)

1. Узнайте писателей.

А) [6 баллов] Он родился в Одессе, и этому городу посвятил книгу рассказов. Коллеги упрекали его в том, что он мало пишет, однако высоко ценили как выдающегося стилиста. Ещё один сборник рассказов вызвал отчаянный гнев советского военачальника, героя Гражданской войны, впоследствии маршала. Лишь вмешательство М. Горького (которого писатель считал своим наставником) спасло его тогда; но от тюрьмы и расстрела Горький его спасти уже не мог. *Назовите имя и фамилию писателя, название сборника рассказов, фамилию маршала.* _____

Б) [4 балла] Этот американский писатель, умерший два года назад, за последние 45 лет своей жизни не опубликовал ни одного произведения, но роман, созданный им в начале 1950-х гг., продолжает интересовать подростков всего мира. *Назовите имя и фамилию писателя, а также название романа.*

---

2. [10 баллов] И. С. Тургенев определил жанр «Войны и мира» как «роман-эпопею». Чем эпопея отличается от романа? Определите, что такое роман-эпопея. Ответьте в недлинном рассуждении. Приведите примеры из русской и зарубежной литературы.

3. [20 баллов] Вспомните, что такое эпитафия. Выберите ОДНО из заданий

А) Напишите эпитафию.

Б) Напишите краткую статью «Эпитафия» для словаря литературоведческих терминов. Не забудьте о примерах.

4. [45 баллов] Выберите ОДНО из заданий (I или II).

Прочитайте текст. Напишите сочинение (эссе, анализ). Пишите свободно, красиво, грамотно, доказательно, интересно.

I. Интерпретация лирического произведения.

Бахыт Кенжеев (р. 1950)

* * *

Огонь свистящий и шипящий.
Воды кипящей ореол.
Землей могильной рот звучащий
набит до самых альвеол.

И вместо рифмы – парной, пряной –
одни сомнительные сны –
мост тоньше волоса над ямой
непостижимой глубины...

Очнись, не мудрствуя лукаво.

Огонь – огнем, и дымом – дым,
одним – прижизненная слава,
и ясновиденье – другим.

Тень сна с сияньем яви сложим –
увидим снег, и облака
с небесным ангелом, похожим
на паука-крестовика.

Он из земли, из крови влажной
соткал спасительную сеть –
скажи мне, как ему не страшно
в бездонном воздухе висеть?
1990-е

II. Комплексный анализ прозаического текста.

Александр Степанович Грин (1880–1932)

НА ДОСУГЕ

Начальник еще не приходил в контору. Это было на руку писарю и старшему надзирателю. Человек не рожден для труда. Труд, даже для пользы государственной – проклятие, и больше ничего. Иначе Бог не пожелал бы Адаму, в виде прощального напутствия, «есть хлеб в поте лица своего».

Мысль эта кстати напомнила разомлевшему писарю, что стоит невыносимая жара и что его красное, телячье лицо с оттопыренными ушами обливается потом. Задумчиво вытащил он платок и меланхолично утерся. Право, не стоит ради тридцатирублевого жалованья приходиться так рано. Годы его – молодые, кипучие... Сидеть и переписывать цифры, да возиться с арестантскими билетами – такое скучное занятие. То ли дело – вечер. На бульваре вспыхивают разноцветные огни. Аппетитно звякают тарелки в буфете и гуляют барышни. Разные барышни. В платочках и шляпах, толстые, тонкие, низенькие, высокие, на выбор. Писарь идет, крутит ус, дергает задом и поигрывает тросточкой.

– Пардон, мадмуазель! Молоденькие, а в одиночестве... И не скучно-с?.. – Хи, хи! Что это, право, за наказание!..

– Такие кавалеры, а пристаеет!..

– А вы, барышня, не чопуритесь!.. Так приятно в вечер майский с вами под руку гулять!.. И так приятно чай китайский с милой сердцу распивать-с!..

– Хи, хи!..

– Хе-хе!..

Легкие писарские мысли нарушены зевотой надзирателя, старой тюремной крысы, с седыми торчащими усами и красными, слезящимися глазками. Он зевает так, как будто хочет проглотить всех мух, летающих в комнате. Наконец, беззубый рот его закрывается и он бормочет:

– А уголь-то не везут... Выходит, что к подрядчику идти надо...

С подрядчиком у него кой-какие сделки, на почве безгрешных доходов. Вот еще дрова – тоже статья доходная. На арестантской крупе да картошке не разжиреешь. Нет, нет – да и «волынка», бунт. Не хотят, бестии, «экономную» пищу есть. Так что с перерывами – подкормишь, да и опять в карман. Беспokoйно. То ли дело – дрова, керосин, уголь... Святое, можно сказать, занятие...

Часы бьют десять. Жар усиливается. В решетчатых окнах недвижно стынют тополи, залитые жарким блеском. Кругом – шкафы, книги с ярлыками, старые кандалы в углу. Муха беспомощно барахтается в чернилах. Тишина.

Сонно цепенеет писарь, развалившись на стуле, и разевает рот, изнемогая от жары. Надзиратель стоит, расставив ноги, шевелит усами и мысленно усчитывает лампадное масло. Тишина, скука; оба зевают, крестят рты, говорят: «фу, черт!» – и зевают снова.

На крыльце – быстрые, мерные шаги; тень, мелькнувшая за окном. Медленно открывается дверь, визжа блоком. Тщедушная фигура рассыльного с черным портфелем и разносной книгой водворяется в канцелярию и обнажает вспотевшую голову.

– От товарища прокурора... Письма политическим...

Тишина нарушена. Радостное оживление оскаливает белые, лошадиные зубы писаря. Перо бойко и игриво расчеркивается в книге, и снова хлопает визжащая дверь. На столе – небольшая кучка писем, открыток, измазанных штемпелями. Писарь роется в них, подносит к глазам, шевелит губами и откладывает в сторону.

– Вот-с! – торжественно восклицает он, небрежно, как бы случайно подымая двумя пальцами большой, синий конверт. – Вот-с, вы, Иван Палыч, говорили, что отец Абрамону не напишет! Я уж его почерк сразу узнал!..

– Что-то невдомек мне, – лениво зекает надзиратель, шевеля усами: – что он писал у в прошедший раз?..

– Что писал! – громко продолжает писарь, вытаскивая письмо. – А то писал, что ты, так сказать – более мне не сын. Я, говорит, идеи твои считаю одной фантазией... И потому, говорит, более от меня писем не жди...

– Что ж, – меланхолично резонирует «старший», подсаживаясь к столу. – Когда этакое сопротивление со стороны своего дитя... Забыв Бога, к примеру, царя...

– Иван Павлыч! – радостно взвизгивает писарь, хватая надзирателя за рукав. – От невесты Козловскому письмо!.. Ну, интересно же пишут, господи боже мой!..

– Значит – на прогулку сегодня не пойдет, – щурится Иван Павлыч. – Он этак всегда. Я в глазок сматривал. Долго письма читает...

Писарь торопливо, с жадным любопытством в глазах, пробегает открытку, мелко исписанную нервным, женским почерком. На открытке – заграничный вид, лесистые горы, мостики, водопад.

– В глазок сматривал, – продолжает Иван Павлыч и щурится, ехидно усмехаясь, отчего вваливается его беззубый, черный рот и прыгает жиденькая, козлиная бородка. – Когда плачет, когда смеется. Потом прячет, чтобы, тово, при обыске не отобрали... Свернет это мелконько в трубочку – да и в сапог... Смехи!.. Потом, значит, зачнет ходить и все мечтает... А я тут ключами – трах!.. – «На прогулку!» – «Я, говорит, сегодня не пойду»... – «Как, говорю, не пойдете? По инструкции, говорю, вы обязаны положенное отгулять!» – Раскритится, дрожит... Сме-ехи!..

– «Ми-лый... м... мой. Пе... тя... – торжественно читает писарь, стараясь придать голосу натуральное, смешливое выражение. – Про-сти-что-дол-го-не-пи-са-ла-те-бе. Ма-ма-бы-ла-боль-на-и...» Писарь кашляет и подмигивает надзирателю.

– Мама-то с усами была! Знаем мы! – говорит он, и оба хохочут. Чтение продолжается.

– «...бу-ду-те-бя-жда-ать... те-бя-сош-лют-в-Сибирь... Там-уви-дим-ся... При-е-хат-же-мне, сам знаешь, – нель-зя...»

– Врет! – категорически решает Иван Павлыч. – Что ей в этом мозгляке? Худой, как таракан... Я карточку ейную видел в Козловского камере... Красивая!.. Разве без мужика баба обойдется? Врет! Просто туману в глаза пукает, чтобы не тревожил письмами...

– Само собой! – кивает писарь. – Я вот тоже думаю: у них это там – идеи, фантазии всякие... А о кровати-то, поди – нет, нет – да и вспомнят!..

– Что барская кость, – говорит внушительно Иван Павлыч, – что мешчанская кость, – что крестьянская кость. Все едино. Одного, значит, положения природа требует...

– Жди его! – негодуяще восклицает писарь. – Да он до Сибири на что годен будет! Измочалится совсем! Будет не мужчина, а... тьфу! Ей тоже хочется, небось, ха, ха, ха!..

– Хе-хе-хе!.. Любовь, значит, такое дело... Бе-е-ды!..

– Вот! – писарь подымает палец. – Написано: «здесь мно-го-инте-рес-ных-людей»... Видите? Так оно и выходит: ты здесь, милочек мой, посиди, а я там хвостом подмахну!.. Ха-ха!..

– Хе-хе-хе!..

– Какая панорама! – говорит писарь, рассматривая швейцарский вид. – Разные виды!..

– Тьфу!.. – Надзиратель вскакивает и вдруг с ожесточением плюет. – Чем люди занимаются! Романы разводят!.. Амуры разные, сволочь жидовская, подпускают... А ты за них отвечаешь, тревожишься... Па-а-литика!..

Он пренебрежительно щурит глаза и взволнованно шевелит усами. Потом снова садится и говорит:

– А только этот Козловский не стоит, чтобы ему письма давать... Супротивнее всех... Позавчера: «Кончайте прогулку», – говорю, время уж загонять было. – «Еще, говорит, полчаса и не прошло!» – Крик, шум поднял... Начальник выбежал... А что, – меняет тон Иван Павлыч и сладко, ехидно улыбается, – ждет письма-то?

Писарь подымает брови.

– Не ждет, а сохнет! – веско говорит он. – Каждый день шляется в контору – нет ли чего, не послали ли на просмотр к прокурору...

– Так вы уж, будьте добры, не давайте ему, а? Потому что не заслужил, ей-богу!.. Ведь я что... разве по злобе? А только что нет в человеке никакого уважения...

Писарь с минуту думает, зажав нос двумя пальцами и крепко зажмурившись.

– Чего ж? – роняет он, наконец, небрежно, но решительно. – Мо-ожно... Картинку себе возьму...

В камере палит зной. В решетчатом переплете ослепительно сверкает голубое, бесстыжее небо.

Человек ходит по камере и, подолгу останавливаясь у окна, с тоской глядит на далекие, фиолетовые горы, на голубую, морскую зыбь, где растопленный, золотистый воздух баюкает огромные, молочные облака.

Губы его шепчут:

– Катя, милая, где ты, где? Пиши мне, пиши же, пиши!..